

Интервью руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области Левита К.Э. информационному portalу "Моё!Online" 23.02.2021

Главный следователь области Кирилл ЛЕВИТ: «Я лично освобождал невиновного, которого мы обвинили в убийстве»

Глава следственного управления Следственного комитета России по Воронежской области Кирилл Левит дал эксклюзивное интервью редактору отдела расследований «МОЁ!» Татьяне Тельпис

Он практически не даёт интервью: журналисты считают его одним из самых закрытых. Он представляется большим, суровым, неприступным.

...Взлёт по ступенькам. Небольшого роста, живая улыбка, в глазах блеск: «Крепкий же мороз снова!» Секунда, другая перед фотогалереей на стенах: кадры наших асов-фотокоров, самые пронзительные.

— Кирилл Эдуардович, микрофон поправьте... Запись пошла!

Генерал-лейтенант Кирилл Левит, глава следственного управления СКР по Воронежской области. Студия редакции «МОЁ!». На часах 11 утра. Пара глотков воды. И 2,5 часа разговора о профессии и жизни.

— День главы Следственного управления начался...

— ...На этот раз, слава Богу, спокойно: подъём в 7 утра, завтрак. Грешен — люблю бутерброды... Раньше обязательно был спорт — утренняя пробежка. А сейчас... старые болячки проявились, скоро 50 всё-таки. Вот, форму малость потерял. Но отвезти детей на занятия — священная обязанность. Это мой второй брак, и у нас с супругой их двое, малыши пока. Ну и на работу. Совещание, после — сразу к вам. После вас — снова совещание по плану, с нашим новым отделением по раскрытию преступлений прошлых лет.

— Вопрос вам, может, покажется бестолковым. Но далеко не все наши читатели знают, чем именно занимается ваше управление. Поэтому краткий ликбез: какие статьи Уголовного кодекса — «ваши»?

— Да, за прошлый 2020 год, например, мы получили порядка 4 тысяч обращений, и практически половина из них — не по нашей части. Следствием занимаемся не только мы: в полиции и ФСБ есть свои следователи, а наши «рабочие делянки» чётко определяет 151-я статья Уголовно-процессуального кодекса РФ. «Наши», например, большинство тяжких и особо тяжких преступлений против личности: убийства, доведение до самоубийства, причинение тяжкого вреда здоровью — но лишь в том случае, если оно повлекло смерть, это статья 111 УК РФ ч. 4, изнасилования, а также все преступления о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних... Тяжкие и особо тяжкие преступления против несовершеннолетних и совершённые ими. Немало вопросов, сам знаю, о коррупционных преступлениях. Так вот: мелким взяточничеством, с суммами до 10 тысяч рублей (ст. 291.2 УК РФ. — Авт.) Следственный комитет занимается в некоторых случаях: например, если преступление совершил спецсубъект — полицейский, депутат... Я ещё скажу о них. «Наши» взятки — всё, что выше (ст. 290 УК РФ. — Авт.), а также посредничество при получении взятки. Служебный подлог (ст. 292 УК РФ. — Авт.), халатность (ст. 293 УК РФ. — Авт.)... «Наши» — все преступления, совершённые опять же спецсубъектами — сотрудниками органов госвласти и силовых структур, в том числе следователями СКР.

— Дела о ДТП?

— Расследование ДТП сейчас у полиции. Исключение — все аварии, которые совершили или в которых пострадали опять же «спецсубъекты». Кроме того, в исключительных случаях — при большом общественном резонансе, например — прокуратура как надзорный орган может поручить расследование нам. Но у меня в этом вопросе чёткая позиция: даже если человек жалуется нам — письменно или на личном приёме — что называется, «не по нашей линии», выслушивать каждого, к каждому обращению относиться внимательно. Во-первых, даже если вопрос не наш, мы обязаны передать его для рассмотрения в уполномоченный орган. Во-вторых... мы тоже люди. И иногда надо вести себя... немного выступая ЗА рамки регламентов, проявить личную гражданскую ответственность. Просто выслушать человека, поддержать. Простите, это глубоко личное... 1 сентября будет семь лет, как я во главе воронежского управления СКР. И всегда поступаю так. В конце концов, кто, если не я? Не председатель Следственного комитета России, не президент — это моя личная ответственность.

«Если вор, то тюрьмы не избежит»

— «Любимая» тема: коррупционные преступления.

— А здесь не соглашусь! Если посмотреть на статистику — да вот, хоть за последние два года (листает распечатки с цифрами — готовился к интервью. — Авт.), — в целом обстановка стабильная. В 2020-м, например, к нам поступило 345 сообщений о признаках коррупционных преступлений, по которым мы возбудили 227 уголовных дел. В 2019-м, соответственно, было 320 и 185. По некоторым сообщениям факты во время проверки не подтвердились, по каким-то проверки ещё продолжаются. В лидерах «Получение взятки» — 87 уголовных дел в прошлом году, 73 в 2019-м (подробнее см. «Только цифры». — Авт.). Другой вопрос, что меняется структура подобных преступлений. Ещё пять-шесть лет назад преобладали мелкие взятки: врачи, сотрудники вузов и ГИБДД... Они никуда не делись, но их всё же стало меньше, и мы ими занимаемся, как я говорил, в отдельных случаях — по большей части, теперь это линия МВД. «Наша» же коррупционная «рыба» крупная, что ни факт — громкий, резонансный.

— Накануне Нового года прогремела история с махинациями при приватизации земли у ДК Кирова на Ленинском проспекте. По вашей же версии — версии следствия — фирма ООО «Альянс ВК», где главный владелец — депутат Гордумы Сергей Кудрявцев, вместе с участком незаконно отхватила федеральное бомбоубежище. Кудрявцев якобы умышленно обманул областной департамент имущественных и земельных отношений (ДИЗО), Росимущество — в итоге нагрел государство на 31 миллион 300 тысяч рублей. Народ удивляется — почему Кудрявцев ОДИН? Одного его повязали, арестовали. А что остальные? Среди соучредителей этого ООО «Альянс ВК» — родной сын нашего бывшего мэра Сергея Колиуха, ныне тоже депутата, бизнесмен Владислав Колиух. По моим данным, к нему могут быть причастны и другие политические фигуры. Да и чудеса просто: целый ДИЗО, целое Росимущество — ничего «не подозревали»?

— Понимаю, о чём вы. Расследование по этому делу только началось, по сути, работы ещё много. Но тут надо чётко понимать: предъявить что-то человеку мы имеем право лишь при железных, что называется, основаниях — доказательствах, подтверждающих его виновность. Появятся они — станет нашим «клиентом». В своих обращениях к нам, якобы «разоблачительных», люди порой пишут что-то вроде «мне кажется, условный чиновник Иванов — взяточник, жулик и вор!» «Я так вижу» — понимаете? «Мне кажется», «я уверен» — не доказательства. Нужны факты. Многие чиновники на самом деле честные люди. Но если для возбуждения уголовного дела есть основания — уж мы не пройдем, поверьте. Тем более за нами стоит крепкая система проверки: прокуратура, федеральный аппарат СКР, суд... Каждый отказ в уголовном деле, как и возбуждение, проверяется тщательно. Вопросы, которые вы ставите по тому же Кудрявцеву, стоят и перед следователями, они над ними работают.

— Опять же. Посидел он в СИЗО недолго. И — уже дома. Как люди толкуют? «А спроста ли это?»

— Слушайте, у некоторых наших граждан какое-то репрессивное мышление (смеётся. — Авт.)! Мера пресечения не приговор (уже серьёзно. — Авт.). Основания для каждой, в том числе ареста, чётко определены в Уголовно-процессуальном кодексе. Те, кто этого «достойн», побывает в СИЗО когда и сколько нужно. Появятся основания заключить туда ещё кого-то — возьмём то же дело с бомбоубежищем — он там окажется.

— **В прошлогодней истории с бывшим вице-мэром Алексеем Антиликаторовым тоже кое-что вызывает недоумение. Напомню, его обвиняют во взятке в 1,5 миллиона рублей за содействие предпринимателю с Юго-Западного рынка. И он даже признаёт, что брал половину. Кому могла уйти вторая, город догадывается, да и Антиликаторов прямо сказал — якобы это его бывший коллега, другой экс-вице-мэр Сергей Курило. Но, по версии следствия, этот человек, выходит, ни при чём?**

— Не стану пока раскрывать всё. Дело на стадии завершения, привлекаются по нему два лица. Да — ДВА. Кто второй — узнается в своё время: после того, как обвинительное заключение подпишет прокуратура и дело уйдёт в суд. Вообще, хотите моё личное мнение? Я в системе с 1994-го. И уверен: следствие любит тишину. Давайте мы во всём разберёмся сначала, а потом расскажем. Врать нам не за чем. А представьте, каково тому человеку, его семье, которого до завершения следствия, до приговора суда, уже прополощут в СМИ, в интернете? Заклеймят «вором», «убийцей» и т. п.? Позор страшный!

— **К слову, о приставках «вице». Что ж многих чиновников/депутатов ловят за развлечения давно минувшие, когда они уже тихонько выбрались из политической песочницы?**

— И снова возвращаюсь к тому, с чего начал. «Ловят» — когда появляются основания, доказательства. Что же, если они у вас, например, были раньше, вы их не сообщали? Тут на самом деле нет чего-то архистрашного: главное — неотвратимость наказания. Пусть чиновник, если он берёт взятки, понимает: «прийти» за ним могут всегда, в любой момент. Невозможно к каждому политику, депутату приставить по полицейскому, нереально уследить за каждым в принципе! Да и зачем? Я уже говорил: в большинстве своём это честные люди. И ещё — для понимания. Следственный комитет — фиксатор преступлений. А их выявление, розыск и задержание подозреваемых — линия оперативных служб МВД и ФСБ. И там очень тонкая, сложная и небыстрая работа.

— **Вот приходит к вам на личный приём гражданин. Мнётся скромно. Достает конверт... с шоколадкой...**

— Опять вы «о личном», пресса! У меня тут чёткая и принципиальная позиция. Я по другую сторону баррикад. Знаете, как говорят? Если ты борешься с «грязью», ты сам обязан быть чист. И ещё: с годами репутация человека бежит впереди него.

— Ставлю вопрос иначе. Один из ваших следователей очень любит сладкое...

— Так, понял (смеётся. — Авт.). И тут у меня чётко. Я готов стоять за каждого своего сотрудника и защищать его до конца, но лишь в том случае, если он «чист». А это сейчас легко проверяется: на то есть оперативные службы и мы. Если же коррупционные факты в отношении него подтверждаются — он несёт наказание, назначенное судом. Когда я начал работать в Воронеже, сразу донёс это всему коллективу управления. И за семь лет 4 или 5 наших следователей были осуждены за получение взятки, получили в том числе реальные сроки. Но чаще происходит так: получив «предложение о благодарности», следователь пишет рапорт на моё имя, докладывая об этом. Начинается служебная проверка. И наказание на самом деле может получить не следователь, а тот, кто «предлагал». Оно определено в 291-й ст. УК РФ «Дача взятки». Наказание там разное, зависит от квалификации — вплоть до 10 лет лишения свободы. За последние два года мы возбудили по ней 98 уголовных дел. Не только о взятках следователям — разным должностным лицам.

— У вас — у «системы» — случаются ошибки. Когда человек отсидит годы в тюрьме, а потом вдруг у следствия внезапная «удача», находят настоящего преступника.

— Случаются. Мне... лично... доводилось... освобождать... не-ви-нов-ного... которого... мы обвинили в убийстве... это было давно, я ещё работал в Орле... Это физически больно. Что я мог ему сказать? «Извините»? Глупость... Да, законодательством в таких случаях предусмотрена система реабилитации. Но личность-то уже... Да и следователи... Больно.

«Ребёнок тоже может мыслить как преступник»

— «Детские преступления». Я лично разбиралась в одном из таких, о которых говорят «на разрыв» — май 2020-го, жестокое убийство в Бобровском районе. 16-летний на тот момент школьник расправился с 9-летней девочкой, спрятав тело в сундук с тряпьем. Дело на момент публикации в суде. Но вопросов осталось много.

— Нелегко о подобных делах говорить, как и расследовать их. Не стану раскрывать всех деталей — речь о детях. Отвечу так: мы получили доказательства двух эпизодов насильственных действий сексуального характера, которые этот школьник совершил с убитой девочкой: первый — ещё в июне 2019 года, второй — непосредственно перед расправой над малышкой. Собственно, по нашей версии, убил он её именно с тем, чтобы прикрыть сексуальное насилие. Сейчас подростку уже 17 лет. Эксперты признали его вменяемым. Он признаёт вину. Ему грозит до 10 лет лишения свободы.

— Вторая история — воронежская, октябрь 2019-го. В Советском районе 17-летний мальчик зарезал отчима. По версии его адвокатов — заступаясь за мать. И они, и подросток настаивают не на умышленном убийстве, а на превышении пределов необходимой обороны. Разница в наказании колоссальная. Есть факты: отчим кошмарил и ребёнка, и его мать.

— Да, о фактах «тирании» мы в курсе. Но очень тщательно разбирались в этом деле. В тот вечер мама парня и отчим действительно поругались, он нанёс ей телесные повреждения. Но выводы экспертов однозначные: её жизни раны не угрожали. И я убеждён: это убийство умышленное и действительно спланированное. Конечно, мальчик не описывал заранее в блокнотике, как именно он станет убивать отчима. Но он готовился и уже был готов к этому психологически. Год за годом терпел, страдал — да... А тот вечерний конфликт стал последней каплей. Какой-то... эмоциональной разрядкой, что ли.

— Жаль парня.

— Тут очень тонкая грань. Нас нередко обвиняют: мол, чужие судьбы их там не волнуют. Неправда, мы не брёвна. Но как соизмерить одну жизнь с другой? Несколько порезов, не угрожающих жизни, которые отчим тогда нанёс маме, и — смерть за это. Я тут очень не завидую суду. Именно ему теперь мерить их на весах. Наши ошибки на раннем этапе ещё может поймать и исправить прокуратура, тот же суд. А если он сам ошибётся? Как жить с этим?

«Я за открытый реестр педофилов»

— Сексуальные преступления против детей и наказание извращенцев. Крайне болезненная тема.

— Согласен. Не только как следователь — как многодетный отец. У меня ведь от первого брака ещё двое детей, взрослые уже дочки. Четверо всего. Повторю – согласен, проблема есть и нас волнует. Но не стал бы преувеличивать масштабы. Смотрите: в прошлом году мы получили 834 сообщения о преступлениях против несовершеннолетних в целом, о разных преступлениях. В 2019-м — 1 026. Возбудили 209 уголовных дел в 2020-м, за год до этого было 219. Потерпевшими в прошлом году признаны 158 ребят, и вот уже среди них, да, большинство (107 человек) пострадали именно сексуально. Но я считаю, здесь всё же не надо драматизировать. На мой взгляд, объяснение подобных цифр в другом: в сознании людей за последние лет пять изменилось само отношение к сексуальному насилию против детей, в том числе в семье. Раньше это считали чем-то, что нужно скрывать. Да и вообще, расхожее мнение было: нечего в чужую семью (или в нашу) лезть! Теперь иначе. Люди осознают: преступник должен понести наказание, проблему необходимо обсуждать открыто и работать над ней. За это же время — даже лет за семь, восемь последних — изменился и меняется дальше сам

подход к расследованию подобных преступлений, а наказание — ужесточается. Например, с детьми — жертвами насилия мы работаем строго вместе педагогом и психологом. Огромная удача: по нашей инициативе на базе областного госучреждения «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» в Воронеже создан реабилитационный центр для таких ребят, где каждый из них проходит спецкурс психологического восстановления. Ведь страшно представить, что происходит с личностью ребёнка.

— ...и не вырастет ли из него в конце концов ещё один «болезный».

— Тоже может случиться, увы. Но если люди тихонько перестают бояться сообщать нам о таких преступлениях, то возникает другая проблема: меняется их структура. Да, «нехорошие» дяди с улицы и семейные насильники никуда не делись, но появился интернет. «Извращенцы», как вы их называете, активно его осваивают и уходят в виртуальность. Создают левые аккаунты в социальных сетях, выдают себя за подростков! И втягивают маленьких мальчиков и девочек в свои больные фантазии. Более того: бывает, ищешь ты такого персонажа, сбиваешься с ног... Эксперты выдают нам заключение: мол, далеко он, ведёт переписку из Америки, или с Кипра, или с какого-то острова в океане. А он — простите, гадёныш — в это время сидит в соседнем доме и на диване с телефона плетёт паутину. Возможности цифровых технологий сейчас почти безграничны. Плюс — есть так называемый теневой интернет, который крайне сложно взломать.

— И там действуют целые педофильские сообщества — знаем. Но вот вы отметили «ужесточение наказания» для подобных товарищей. Ну, убрали для них условку. Но возможность условно-досрочного освобождения есть, пожизненный срок предусмотрен в крайних случаях, для рецидивистов. При том что любой психиатр скажет: педофилия — это рецидив в 100% случаев. Задам вам три вопроса, которые волнуют и меня — как журналиста, и правозащитников, и родителей. Первый: открытый реестр педофилов, куда может заглянуть каждый — родитель, учитель, сосед. Они уже есть в некоторых странах. В США, в Польше. Базы данных по осуждённым за сексуальные преступления против детей — в той же Польше он на официальном сайте Минюста. С фото, личными данными, статьёй, по которой сидит. Там даже священнослужители есть. Я — за. Вы?

— Опять тонкий вопрос, и можно долго рассуждать о свободе личности, об исправлении. Но если речь о человеке с подтверждённым диагнозом «педофилия», если он признан виновным судом... Скорее да. То есть да: я — за.

— Два: система пожизненного отслеживания после освобождения. С помощью тех же электронных браслетов. Ведь сейчас как? Вышел педофил из колонии — и растворился на просторах нашей необъятной Родины.

— Можно не отвечать? Я считаю, что не могу брать на себя ответственность рассуждать о том,

в чем, на мой взгляд, не компетентен.

— **Но как их контролировать? Служба участковых развалена — вы это знаете лучше меня.**

— Так давайте возрождать службу участковых! Проблема есть, согласен. Так почему об этом не говорят, не возрождают? Государство не должно превращаться в инквизитора, его первоочередная задача — защищать конституционные права и свободы своих граждан. Не надо пытаться реализовать его функции через ограничение таких свобод

— **И три: кастрация как наказание. Принудительная. Как в той же Америке, Великобритании, Казахстане. Химическая, хотя в некоторых африканских странах, извините, сразу скальпелем...**

(Пауза).

— Можно опять не отвечать? По той же причине, что о браслетах. Да и... глубоко личный вопрос, простите...

«Нас ждут нераскрытые дела с конца 1970-х»

— **После того, как СКР отделился от прокуратуры и стал самостоятельным, прошло уже 10 лет.**

— Да, и мы развиваемся, меняем подходы — не отстаём от преступности (смеётся. — Авт.). У нас появляются новые задачи...

— **...Вот, о новом. Два года как в системе работает специальное новое отделение, где распутывают преступления прошлых лет. Рассказывайте!**

— Есть такое. Входит в состав нашего 1-го отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против личности), в нём свой руководитель и два следователя. «Прошлых лет» для нас — это как свежие приостановленные дела, в 2020-м даже, так и 10-, 20-летней давности и больше. Все они хранятся в специальном архиве, сейчас их порядка двух тысяч. 2/3 примерно — наследие Прокуратуры с 1977 — 1978 года! Остальное — те, что приостановили мы за последние 10 лет. Надо понимать: даже если преступление осталось нераскрытым, оперативная работа уголовного розыска МВД по нему продолжается. И если у него появляется новая информация — расследование возобновляется. Кроме того, у нас есть криминалисты, которые отсматривают наш архив вручную, отсеивая дела наиболее перспективные. В 2019-м мы начали заниматься 20 подобными делами, в прошлом — 25. Окончили в общей сложности 9.

— **Какое – пусть не из «прошлых» – что называется, лично «перепахало», «перевернуло»? Такое точно есть.**

— Из свежих, да, есть. Дело о заказном убийстве предпринимателя. Мы как раз завершаем расследование, работа проделана колоссальная, эталонная на мой взгляд — и нами, и полицией. Я бы включил его в учебники для будущих следователей. После того, как прокурор подпишет обвинительное заключение и дело уйдёт в суд, обещаю: вы узнаете «тайны следствия».

...P.S. Конечно, то, что вы уже прочитали, далеко не весь наш разговор. Многое осталось за кадром. И я вам обещаю: расскажу. Следите за публикациями на «МОЁ! Online».

ТОЛЬКО ЦИФРЫ

9 910 сообщений о преступлениях получили следователи СКР в 2020 году.

4 652 (46,9%) — преступления против жизни и здоровья, таких больше всего.

1 462 (14,4%) — преступления против государственной власти — коррупционные.

1 588 уголовных дел возбуждено за прошлый год, из них 227 — по фактам коррупции. Главные взяточники у нас по-прежнему правоохранители (83 человека), бюджетники (22), среди них по 5 врачей и педагогов, 15 человек попались на махинациях с недвижимостью, 6 — за аферы с лицензированием.

15 уголовных дел ушли в суд в 2020 году, в которых главные действующие лица — субъекты с так называемым «особым правовым статусом», среди них 2 бывших следователя СКР, 3 члена избиркомов, 6 депутатов и 3 главы муниципалитетов.

62 уголовными делами о налоговых преступлениях занимались следователи, 35 завершили. Установленный ущерб по ним — 1 млрд 16 млн рублей.

23 новых уголовных дела возбудили о невыплате зарплат. Вместе с теми, что появились раньше, закончили расследование и направили в суд 49 таких дел, в которых в общей сложности 747 потерпевших. Установленный ущерб по ним — проще говоря, сумма, «зажатая» работодателями — 14 миллионов 414 тысяч рублей. Ещё до окончания следствия они вдруг отыскали деньги и вернули сотрудникам 10 миллионов 509 тысяч. Кроме того, по инициативе следователей, суд арестовал у них имущества ещё на 484 тысячи: после его реализации на торгах полученной выручкой также должны расплатиться с честными тружениками.

158 детей пострадали в прошлом году от разного рода преступлений. 107 из них стали жертвами сексуального насилия. 10 ребят погибли. 20 пострадали в своих же семьях.

10 630 уголовных дел направили в суд воронежские следователи за 10 лет существования Следственного комитета. В том числе 2 545 — о коррупции, 1 182 — о сексуальном насилии над детьми, 1 131 — об убийстве.

(Информация предоставлена СУ СКР по Воронежской области).

ДОСЬЕ «Ё!»

Кирилл ЛЕВИТ родился 15 мая 1971-го в Орле. Его отец всю жизнь прослужил оперативником в МВД, до этого – дед. «Моя судьба была предопределена», – говорит теперь он сам.

После окончания Воронежского государственного университета работал следователем следственного отдела Заводского РОВД в Орле, затем – следователем УВД Орловской области.

В 1998-м поступил на службу в Орловскую прокуратуру. Прошёл путь от старшего следователя городской прокуратуры до старшего помощника прокурора Орловской области по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях.

7 сентября 2007-го приказом председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ назначен на должность первого замруководителя орловского областного СУ СК при прокуратуре РФ.

10 мая 2011-го указом президента РФ № 624 назначен руководителем СУ СКР по Хабаровскому краю.

С октября 2014-го служит в СУ СКР по Воронежской области, 4 ноября 2019-го указом президента РФ № 541 переназначен руководителем.

Специальное звание: генерал-лейтенант юстиции.

Награждён знаком «Почетный работник СК при прокуратуре РФ», медалями «За верность служебному долгу», «За отличие», «За безупречную службу I степени», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

Женат. Супруга – сама бывший сотрудник правоохранительной системы, сейчас уже на пенсии. Воспитывают двоих маленьких детей. От первого брака у Кирилла Левита две, уже взрослые дочки, с которыми у него самые тёплые отношения.

Подробнее: <https://moe-online.ru/news/people/1086944>

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Воронежской области

Адрес страницы: <https://voronezh.sledcom.ru/folder/878887/item/1574289>